

13. Стексова Т.И. 'Невольность осуществления' как скрытая семантическая категория и ее проявление. Новосибирск : Изд-во НГПУ, 1998.

14. Шатуновский И.Б. Семантика предложений и нерелевантные слова. М. : Яз. рус. культуры, 1996.

*Functioning of the predicate cryptotype
"controllability/uncontrollability"
in the conditions of language play*

Based on the texts of the modern periodicals there are considered the semantic paradoxes of the classifying category of the predicate "controllability/uncontrollability" in the conditions of language play and the reasons for them.

Key words: *abnormality, controllability/uncontrollability, paradox, implicit category, language play.*

А.В. ЕГОРОВ
(Казань)

**ЖАНРОВО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ
ОСОБЕННОСТИ
ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
СУБСТАНТИВИРОВАННЫХ
ПРИЧАСТИЙ НА МАТЕРИАЛЕ
СИНОДАЛЬНОГО ПЕРЕВОДА
НОВОГО ЗАВЕТА**

Характеризуется употребление субстантивированных причастий в Новом Завете. Анализируются тексты греческого оригинала и русского синодального перевода Библии. Сделан вывод о том, что в большинстве случаев субстантивированные причастия используются в составе различных риторических приемов.

Ключевые слова: *древнегреческий язык, Новый Завет, риторические приемы, синодальный перевод Библии, субстантивированные причастия.*

Целью данной работы является исследование функционирования субстантивированных причастий в тексте Нового Завета, написанном на древнегреческом языке, а также в тексте русского синодального перевода. Еще известный русский лингвист XIX в. Фокков заметил, что «относительно причастий греческий язык

богат» [7, с. 139], что означает их широкое использование древними греками, а значит, значительную употребительность в тексте Нового Завета.

В работе впервые проводится детальное описание субстантивированных причастий в тексте Послания апостола Павла к Римлянам и Евангелий от Матфея и от Марка. Грамматические формы и синтаксические конструкции рассматриваются как лингвистический феномен, в непосредственной связи с содержательной стороной религиозного текста и его жанровой спецификой. Обращение к различным жанрам Нового Завета, а также учет литературных форм внутри жанра (аллегория, притча и т.д.) позволит охарактеризовать специфику каждого из них. К. Бломберг отмечает, что «каждый отрывок Евангелия помещается в особую категорию согласно своей форме. К числу конкретных форм относятся притчи, рассказы о чудесах, пословицы, возвестительные, парадигматические рассказы и т.д.» [3, с. 76].

В Послании к Римлянам апостол Павел доказывает, что христианство, хотя и связано глубокими корнями с иудаизмом, – это вера всего человечества. Основная идея Послания – всеобщая греховность людей и распространяющаяся на весь мир милость (благодать) Божья. Грешнику открывается путь, идя которым он может не только получить прощение, но и восстановиться в совершенстве и святости. Этот путь есть вера в Иисуса Христа, Сына Божья, Который умер, воскрес и живет вовеки, чтобы совершать примирение и восстановление [1, с. 13]. Евангелия от Матфея и от Марка являются законоположительными новозаветными книгами. Основная тема Евангелий – жизнь и проповедь Иисуса Христа, Сына Божия.

Методом сплошной выборки мы выявили 246 примеров использования причастий в Послании Апостола Павла к Римлянам, 913 – в Евангелии от Матфея и 544 – в Евангелии от Марка. Сравнительный анализ показывает, что апостол Павел в своем Послании к Римлянам часто использует субстантивирование причастия (39,8%). В Евангелиях от Матфея и Марка доля субстантивированных причастий существенно меньше: 21,6 и 15,3% соответственно.

Большая часть субстантивированных причастий встречается в составе различных риторических приемов. Апостол Павел нередко использует причастия в составе таких приемов, как однокоренной повтор, синтаксический параллелизм, антитеза, перечисление, перифраз.

Однокоренной повтор используется апостолом для того, чтобы выделить наиболее важную для него мысль. Так, изобразив в 1-й главе своего Послания худой нрав язычников, в последнем (32-м) стихе этой главы апостол подчеркивает, что они не только сами творят злые дела, но и помогают своим ближним в совершении этих поступков. Описывая беззакония язычников, апостол использовал однокоренные субстантивированные причастия, маркируя действия самих язычников (οἱ ταῖς τοιαύταις πράσσεις) – *делающие такие [дела]*, а также тех, кому они в этом «покровительствуют» (τοῖς πράσσουσιν – *делающих*). В данном случае синодальный перевод выполнен точно; в русском тексте мы также видим прием однокоренного повтора.

Описав беззакония язычников, апостол с 1-го стиха следующей главы Послания переходит к теме осуждения, предостерегая читателей от соблазна впасть в осуждение грешников: Διὸ ἀναπολόγητος εἶ, ὦ ἄνθρωπε πᾶς ὁ κρίνεις ἐν ᾧ γὰρ κρίνεις τὸν ἕτερον, σεαυτὸν κατακρίνεις, τὰ γὰρ αὐτὰ πράσσεις ὁ κρίνων – *Итак, неизвинителен ты, всякий человек, судящий [другого], ибо тем же судом, каким судишь другого, осуждаешь себя, потому что, судя [другого], делаешь то же* (Рим. 2: 1).

Апостол Павел создает рамочную конструкцию, начиная и заканчивая текст формой субстантивированного причастия настоящего времени (осуждающий – ὁ κρίνων), которое в русском переводе в первом случае передается причастием, а во втором – деепричастием; при этом сохраняется однокоренной повтор. Необходимо также обратить внимание на трансформацию греческого относительно местоимения при переводе текста Послания на русский язык в имя существительное, подразумеваемое этим местоимением: ἐν ᾧ – *тем же судом, каким*. Надо сказать, что выражение *суд судити* является в русском языке устоявшимся, идущим от древнерусского текста [4, с. 140]. Смысл осуждения несут в тексте личные формы этого же и приставочного глаголов (κρίνεις – *судишь*; κατακρίνεις – *осуждаешь*). По мере развертывания текста мысль превращается в свою противоположность: осуждающий другого осуждает себя (σεαυτὸν κατακρίνεις – *осуждаешь себя*). Таким образом, апостол Павел облакает Христову заповедь *Не судите, да не судимы будете* (Мф. 7: 1) в новую форму.

Следует отметить, что тему осуждения апостол Павел продолжает и в следующих стихах, привлекая новые однокоренные слова (*суд* – τὸ κρίμα, *судящий* – ὁ κρίνων), свя-

зывая, таким образом, тему осуждения ближнего с темой Страшного Суда: λογίζη δὲ τοῦτο, ὦ ἄνθρωπε ὁ κρίνων τοὺς τὰ τοιαῦτα πράσσοντας καὶ ποιῶν αὐτά, ὅτι σὺ ἐκφεύξη τὸ κρίμα τοῦ θεοῦ – *Неужели думаешь ты, человек, что избежишь суда Божия, осуждая делающих такие [дела] и (сам) делая то же?* (Рим. 2: 3). И здесь присутствуют субстантивированные причастия настоящего времени от синонимичных глаголов со значением «делаю» (πράσσοντας – *делающих*, ποιῶν – *делая*), которые продолжают использоваться как средство создания антитезы, углубляющей сопоставление и противопоставление двух планов. Анализируя русский перевод, можно сделать вывод о сохранении приема однокоренного повтора между именем существительным *суда* и деепричастием *осуждая* и возникновении лексического повтора после преобразования значения греческого причастия τὰ πράσσοντας – *делающих*. Следует также обратить внимание на существенное изменение порядка слов при переводе на русский язык. Так, авторы сакральных текстов часто создают необычный порядок слов, поскольку «необычность или “вычурность” синтаксиса, его экспрессивность призвана выделить центральные для понимания текста слова и является “ключом” к его содержанию» (Там же, с. 292). При переводе «в текст вводятся предлоги и пояснительные слова, устраняется инверсия» [8, с. 356], порядок слов становится совершенно независимым от оригинала, что вызвано стремлением приблизить текст к особенностям русского синтаксиса.

Синтаксический параллелизм апостол Павел использует для подчеркивания сопоставления или противопоставления: οὐκ ἔστιν ὁ συνίων, οὐκ ἔστιν ὁ ἐκζητῶν τὸν θεόν – *нет понимающего; никто не ищет Бога* (Рим. 3: 11). В данном случае налицо симметричное построение строфы, использование анафоры (οὐκ ἔστιν – *нет*) и одинаковых окончаний (ὁ συνίων – *понимающий*, ὁ ἐκζητῶν – *ищущий*). Причастные формы, передающие один и тот же смысл, стоят в тексте греческого оригинала в одной и той же грамматической форме, имеют равное количество слогов, а также одинаковое ударение. Это, очевидно, связано со стремлением создания рифмы, характерной для языка библейских текстов: создается гомотелев, т.е. «относительно редкий вид повтора, соединяющий в малом контексте слова с одинаковыми окончаниями и/или суффиксами» [6, с. 5]. В тексте русского перевода симметрия построения строфы нарушается: во втором случае причастие переводится личной

формой глагола, и, таким образом, синтаксический параллелизм при переводе на русский язык утрачивается.

Часто субстантивированные причастия служат основой для построения антитезы. В тексте отрывка Послания, описывающего воздаяния праведным и грешным людям за их поступки (Рим. 2: 9–10), антонимами являются следующие параллельные элементы: имена существительные, обозначающие сами воздаяния (θλίψις καὶ στενοχωρία – *скорбь и теснота*; δόξα δε; καὶ; τιμὴ; καὶ; εἰρήνη – *слава, и честь, и мир*), и субстантивированные причастия с дополнениями, маркирующие поступки людей (τοῦ κατεργαζομένου τὸ κακόν – *делающего злое*; τῷ ἐραζομένῳ τὸ ἀγαθόν – *делающему доброе*). Следует отметить, что и в этом отрывке Послания к Римлянам используется прием лексического повтора. Перевод на русский язык выполнен точно; при этом сохраняются риторические приемы, присутствующие в тексте языка оригинала.

Маркируя расхождение между учением иудеев и их делами, автор Послания использует следующую разновидность антитезы, также часто встречающуюся у апостола Павла, – противопоставление причастия настоящего времени и личной формы этого же глагола, которое сохраняется в русскоязычном тексте Послания: противопоставляются причастие *уча* (διδάσκων) и глагол *не учишь* (οὐ διδάσκεις): ὁ οὖν διδάσκων ἕτερον σεαυτὸν οὐ διδάσκεις; – *как же ты, уча другого, не учишь себя самого?* (Рим. 2: 21).

Апостол Павел использует субстантивированные причастия и для образования фигуры перечисления. Обратимся к стиху Рим. 2: 22. Здесь причастия настоящего времени (ὁ κηρύσσων – *проповедующий*, ὁ λέγων – *говорящий*, ὁ βδελυσσόμενος – *гнушающийся*) образуют фигуру перечисления, дополняя высказанную мысль о несоответствии между словом и делом конкретными деталями: ὁ κηρύσσων μὴ κλέπτειν κλέπτεις; ὁ λέγων μὴ μοιχεύειν μοιχεύεις; ὁ βδελυσσόμενος τὰ εἰδωλα ἱεροσυλεῖς – *Проповедуя не красть, крадешь? говоря: «не прелюбодействуй», прелюбодействуешь? гнушаясь идолов, святотатствуешь?* Фигура перечисления образована здесь троичным рядом на основе антитезы, выражающейся противопоставлением инфинитива и личной формы того же глагола. Следует отметить, что в русском переводе также есть фигура перечисления, с тем лишь отличием от греческого текста, что здесь присутствуют формы деепричастий. По замечанию Фоккова, «в современном русском уже поч-

ти две трети причастий заменены деепричастиями или отглагольными именами на *-ние*» [7, с. 139], таким образом, для русского перевода характерна замена субстантивата деепричастными формами.

Наконец, одна из важнейших функций субстантивированных причастий – это их способность использоваться в роли Божественных Имен. В Послании к Римлянам апостолу Павлу удается варьированием одной грамматической формы субстантивированных причастий от глагола ἐγείρω (воскрешаю) передать Тринитарное Отношение. Так, в отрывке Рим. 8: 11 автор наряду с субстантивацией при помощи артикля использует прием перифраза: *Воскресившего Иисуса* – τοῦ ἐγείραντος τὸν Ἰησοῦν – описательное указание на Отца; этот же прием и в Рим. 7:4: «*Воскресшему из мертвых*» – τῷ ἐκ νεκρῶν ἐγερθέντι – описательное указание на Сына. Перифраз, т.е. «замена слова описательным оборотом» [8, с. 380], выражение одного понятия с помощью нескольких, присутствует и во фрагменте Рим. 1: 25 (παρὰ τὸν κτίσαντα – *вместо Творца*), где автор Послания выделяет такое свойство Божие, как Творца и всего мира и Промыслителя. В третьем случае в русском тексте описательный оборот оригинала трансформирован в имя существительное с синонимичным значением.

Жанрово-стилистические особенности функционирования причастий, содержащихся в Евангелиях, проявляются в притчах, поучениях, проповедях Господних, афористических высказываниях. В евангельском тексте представлено меньшее разнообразие риторических приемов, чем в тексте Послания апостола Павла. Так, в Евангелиях субстантивированные причастия не образуют фигуру перечисления.

Нередко в одном фрагменте евангельского текста сочетаются несколько риторических фигур. Многие из них имеют афористическую форму. Так, синтаксический параллелизм образуется посредством такой риторической фигуры, как антитеза: ὁ εὐρῶν τὴν ψυχὴν αὐτοῦ ἀπολέσει αὐτήν, καὶ ὁ ἀπολέσας τὴν ψυχὴν αὐτοῦ ἔνεκεν ἐμοῦ εὐρήσει αὐτήν – *сберегший душу свою потеряет ее; а потерявший душу свою ради Меня сбережет ее* (Мф. 10: 39). Следует обратить внимание на присутствие в данном отрывке Евангелия обратной антитезы, сохраненной при переводе текста на русский язык, которую образуют субстантивированные причастия ὁ εὐρῶν (*сберегший*) и ὁ ἀπολέσας (*потерявший*), а также глаголы ἀπολέσει (*потеряет*) и εὐρήσει (*сбережет*), являющиеся параллельными элементами.

Во фрагменте Евангелия οὐ τὸ εἰσερχόμενον εἰς τὸ στόμα κοινοῖ τὸν ἄνθρωπον, ἀλλὰ τὸ ἐκπορευόμενον ἐκ τοῦ στόματος τοῦτο κοινοῖ τὸν ἄνθρωπον – *не то, что входит в уста, оскверняет человека, но то, что выходит из уст, оскверняет человека* (Мф. 15: 11) фигуру антитезы образуют субстантивированные причастия τὸ εἰσερχόμενον (*входящее*) и τὸ ἐκπορευόμενον (*исходящее*), используемые при синтаксическом параллелизме. Здесь Иисус Христос мыслит о нравственном осквернении, которое имеет отношение не к тому, что входит в уста (τὸ εἰσερχόμενον), а к тому, что выходит из уст (τὸ ἐκπορευόμενον), т.е. к безнравственным речам. При переводе на русский язык была сохранена фигура антитезы, однако он не является абсолютно точным: субстантивированные причастия трансформировались в определительные придаточные предложения, допущен эллипсис греческого указательного местоимения *του'το*.

Евангелисты Матфей и Марк нередко используют прием однокоренного повтора. Один из примеров тому – заповедь Спасителя о любви к ближнему, содержащаяся в Нагорной Проповеди, где Спаситель заповедует нам любить всех людей, а не только любящих нас. Здесь однокоренной повтор, сохраненный и в русском переводе, образуют причастие τῶν ἀγαπῶντας (*любящих*) и личная форма глагола: ἐὰν γὰρ ἀγαπήσητε (*если вы будете любить*): ἐὰν γὰρ ἀγαπήσητε τοὺς ἀγαπῶντας ὑμᾶς, τίνα μισθὸν ἔχετε; – *Ибо если вы будете любить любящих вас, какая вам награда?* (Мф. 5: 46).

Прием однокоренного повтора содержится и во фрагменте, передающем притчу Спасителя о сеятеле. Данная притча содержится как в Евангелии от Матфея, так и в Евангелии от Марка (Мф. 13: 3–4 и Мк. 4: 3–4, 14). Однокоренной повтор образуют субстантивированные причастия (ὁ σπείρων – *сеятель*) и глаголы в неопределенной форме (τοῦ σπείρειν – *сеять*, ἐν τῷ σπείρειν – *когда сеял*, σπείραι – *сеять*). Необходимо обратить внимание на перевод греческого субстантивированного причастия ὁ σπείρων отглагольным именем существительным *сеятель*. Приведем текст фрагмента (Мк. 4: 3–4): ἐξῆλθεν ὁ σπείρων σπείραι. καὶ ἐγένετο ἐν τῷ σπείρειν ὃ μὲν ἔπεσεν παρὰ τὴν ὁδόν... – *вышел сеятель сеять; и, когда сеял, случилось, что иное упало при дожде...*

Наконец, субстантивированные причастия в евангельском тексте участвуют в образовании такого приема, как перифраз. Как и в тексте Послания апостола Павла к Рим-

лянам, перифраз используется для образования Божественных Имен. Евангелист Матфей использовал перифраз во фрагменте своего Евангелия, повествующем об Иоанновом Крещении (Мф. 3: 11). Христа апостол Матфей именует как *Идущий за мною* (ὁ δὲ ὀπίσω μου ἐρχόμενος). С помощью приема перифраза евангелисты именуют Христа и описывая Вход Господа в Иерусалим: εὐλογημένος ὁ ἐρχόμενος ἐν ὀνόματι κυρίου – *Благословен Грядущий во имя Господне* (Мф. 21: 9; Мк. 11: 9). В других евангельских отрывках (Мф. 10: 40; Мк. 9: 37) прием перифраза используется для наименования уже Бога Отца Самим Спасителем (τὸν ἀποστείλαντά με – *Пославшего Меня*).

В отличие от текста Послания к Римлянам, в Евангелиях прием перифраза используется для наименования грешников, для описания состояния душ язычников до Пришествия в мир Христа: τοῖς καθημένοις ἐν χώρᾳ καὶ σκιᾷ θανάτου – *сидящим в стране и тени смертной* (Мф. 4: 16). Следует отметить, что в тексте русского перевода прием перифраза во всех рассмотренных нами случаях сохранился.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

1. Для языка Посланий апостола Павла характерно использование субстантивированных причастий, которые несут стилистическую нагрузку. Они широко используются как элемент текстопостроения в составе различных риторических приемов: однокоренного повтора, антитезы, перечисления, синтаксического параллелизма. С помощью субстантивированных причастий удается выразить, донести до читателя нормы морали. Кроме того, этот прием широко используется для образования Божественных Имен.

2. Евангелисты Марк и Матфей используют прием субстантивирования причастий реже, чем апостол Павел. Жанрово-стилистические особенности субстантивированных причастий проявляются в том, что они часто употребляются в определенных литературных формах (притча, проповедь, поучение, заповеди Господни, афористические высказывания) в составе синтаксического параллелизма, антитезы, однокоренного повтора, перифраза. Для фрагментов Евангелия, носящих повествовательный характер, субстантивированные причастия не характерны.

3. Русский перевод обычно выполнен по смыслу. Часто в русском переводе меняется порядок слов, меняются синтаксические конструкции, отдельные слова текста ориги-

нала заменяются русскими соответствиями с иным значением, появляется эллипсис, вкрапляются выражения, характерные для древнерусского языка. На русский язык субстантивированные причастия новозаветного текста переведены преимущественно причастными или деепричастными формами. Имеются единичные случаи перевода греческих причастных форм отглагольными именами существительными, а также глаголами в личной форме. Приемы антитезы, однокоренного повтора, перечисления и в большинстве случаев перифраза сохранились при переводе текста Нового Завета на русский язык. Прием синтаксического параллелизма при переводе утрачивается.

Литература

1. Аверкий, епископ. Руководство к изучению Священного Писания Нового Завета. Ч. 2: Апостол. М.: Православный Свято-Тихоновский Богословский ин-т, 2000.
2. Библия (синодальный перевод). М., 1991.
3. Бломберг К. Интерпретация притч. М.: Богословский институт им. ап. Иоанна Богослова, 2005.
4. Колесов В.В. Древнерусский литературный язык. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989.
5. Новый Завет на греческом языке с подстрочным переводом на русский язык / гл. ред. А.А. Алексеев; ред. М.Б. Бабицкая, Д.И. Захарова. СПб.: Рос. библ. о-во. С.-Петерб. о-ние, 2003.
6. Толстус Н.В. Лингвистическая природа гомотелевта (на материале французской художественной живописи XX века) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011.
7. Фокков Н.Ф. К синтаксису греческого новозаветного языка и византийского. М., 1887.
8. Чевела О.В. Герменевтика литургической поэзии: историко-лингвистическое исследование : дис. ... д-ра филол. наук. Казань, 2010.

Genre and stylistic peculiarities of functioning of substantive participles in the New Testament

There is characterized the use of substantive participles in the New Testament. There are analyzed the texts of Greek origin and the Russian Synodal translation of the Bible. There is made the conclusion that in most cases substantive participles are used as a part of different rhetoric devices.

Key words: *Old Greek language, the New Testament, rhetoric devices, Synodal translation of the Bible, substantive participles.*

А.С. ПУЧНИНА
(Волгоград)

СЕМАНТИЧЕСКАЯ НЕОДЕРИВАЦИЯ В ТЕКСТАХ РЕКЛАМЫ И СМИ

Рассматриваются семантическая окказиональная деривация, ее виды, представленные в языке, и сочетание разных способов деривации в одной лексической единице.

Ключевые слова: *семантическая деривация, словообразовательная деривация, метонимический перенос, метафорический перенос, графодеривация.*

В русском языке, как известно, выделяют несколько видов деривации: словообразовательную, семантическую и синтаксическую. Каждая из них имеет свой удельный вес по отношению к другим в языке.

Семантическая деривация – это отношение между двумя значениями слова, одно из которых рассматривается как исходное (мотивирующее), а другое – как производное. Семантическая деривация позволяет связать разные значения одного слова друг с другом и восстановить семантическое единство слова – представить как единое семантическое целое [2, с. 188]. Как говорит О.И. Василенко, «явление семантической деривации может быть определено двояким образом: как отношение производности между единицами языка и как сам процесс образования производной единицы. Именно понимание семантического варьирования как процесса, а не как готового результата (полисемия) позволяет анализировать его как многоаспектное явление, определяющееся совокупностью трех параметров: когнитивного, собственно языкового и культурологического» (Там же, с. 189). Существуют следующие виды семантической деривации: терминологическое сужение неспециального значения слов, метонимизация, конверсия, метафоризация и др. В нашей работе мы рассмотрим окказиональную семантическую деривацию, встречающуюся в текстах СМИ и рекламы.

Статья под заголовком *Пластиковая вода* (Рос. газ. 2013. 4 янв.) рассказывает о вреде воды в пластиковых бутылках. Читатель, конечно, понимает, что не сама вода является пластиковой, а упаковка придает ей некие свойства. Обращение к экстралингвальной пресуппозиции дает нам информацию о том, что практически весь пластик вреден для здоровья и содержимое такой тары приобрета-